

18+

Майк Сойд

Предел Емкости

<https://litres.ru/74108098>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 25-м веке человечество победило старость, но уперлось в биологический барьер: мозг не вмещает больше 300 лет воспоминаний. Чтобы не сойти с ума от «Перегруза», граждане мегаполиса Кредо обязаны проходить «Жатву» — процедуру принудительного стирания половины своей жизни.

Декстер Хейз — циничный детектив, прошедший Жатву дважды. Он добровольно выжег из своей памяти страх, эмпатию и боль потерь, чтобы стать идеальным полицейским. Но когда в закрытом секторе для элиты объявляется серийный убийца, вскрывающий грудные клетки жертв, холодный мир Хейза дает трещину.

Маньяк не оставляет следов, обходит любые системы безопасности и вкладывает в тела убитых старые диски со стертыми воспоминаниями 200-летней давности. Хейз и его молодой напарник-идеалист начинают гонку на опережение. Детектив восхищается гениальным умом убийцы, еще не подозревая, что вступил в смертельную игру с призраком. Призраком, который знает каждый его шаг.

Содержание

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ЕМКОСТИ	4
ГЛАВА 2: ФАНТОМНЫЙ ЗУД	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Майк Сойд

Предел Емкости

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ЕМКОСТИ

Человек за армированным стеклом кричал так, словно с него заживо снимали кожу.

Звук глухо бился о звуконепроницаемые панели, превращаясь в вибрацию, которая отдавалась в подошвах ботинок. Но скальпелей в операционной не было. Крови тоже. Только монотонное, утробное гудение квантовых серверов, охлаждаемых жидким азотом, и стерильный, режущий глаза белый свет бестеневых ламп.

Человек, намертво пристегнутый к массивному хромированному креслу, бился в магнитных фиксаторах с такой силой, что на его запястьях лопались капилляры. На нем была простая больничная роба, насквозь пропитанная холодным потом. В стальной разъем на его затылке — стандартизированный нейро-порт, который вживляли каждому гражданину при рождении — был вкручен толстый, пульсирующий ядовито-синим светом кабель. Кабель нейро-экстрактора. Машины, которая прямо сейчас высасывала из него половину его жизни.

Декстер Хейз стоял по другую сторону стекла в полутемной смотровой комнате. Он не отворачивался. Он молча пил черный синтетический кофе из помятого бумажного стаканчика. Кофе горчил жженой пластмассой и оставлял на языке привкус металла, но настоящего зерна в этом секторе мегаполиса не видели уже лет сто.

— Давление в гиппокампе растет. Показатели выходят за красную черту, — монотонно доложил техник-оператор.

Парень сидел за пультом в метре от Хейза. Его лицо освещалось лишь мерцанием голографической клавиатуры, над которой с бешеной скоростью летали его бледные пальцы. Техник выглядел скучающим. Для него это была просто рутина, ночная смена на фабрике по переработке душ.

— Пациент сопротивляется, — добавил техник, не отрывая взгляда от бегущих строк кода. — Нейронные цепи блокируют протокол передачи.

— Увеличьте подачу седативного, — равнодушно отозвался Хейз, делая еще один глоток. Жидкость обожгла горло, но не принесла тепла. — Он сам пришел сюда. Сам подписал протокол стирания. Магнитные замки держат?

— Держат, детектив. Но если он продолжит так дергаться, он сломает себе шейные позвонки раньше, чем мы закончим.

— Что сейчас уходит? — Хейз чуть наклонился вперед,

всматриваясь в мониторы.

Техник скосил глаза на правый, самый большой экран. Там не было привычного видеоряда. Память не хранилась в картинках. Строки фрактального кода бежали сверху вниз, расшифровывая сложнейшие нейронные связи в сухой, протокольный текст и обрывочные, вспыхивающие образы.

— Файл памяти номер четыреста двенадцать, — прочитал техник, щурясь. — Классификация: личное, ядро личности. Рождение первенца. Пациент цепляется за образ жены. Эмоциональная привязка критическая. Сердечный ритм сто восемьдесят. Он не хочет отдавать этот блок.

Хейз посмотрел сквозь стекло на искаженное мукой лицо человека. По щекам пациента текли слезы, смешиваясь с потом. Его губы беззвучно шевелились, повторяя одно и то же имя, которое прямо сейчас, байт за байтом, стиралось из его нейронной сети.

— Режьте, — жестко сказал Хейз.

— Детектив, это ядро. Если я срежу его принудительно, возможен легкий паралич лицевого нерва.

— Я сказал, режьте, — Хейз раздавил пустой стаканчик в кулаке. — Его жена умерла сто лет назад. Сын погиб в корпоративных войнах в колониях. Этот мусор только занимает место в его голове, отравляя то, что осталось. Человеческий мозг не рассчитан на триста лет горя. Если вы не срежете

этот блок сейчас, к вечеру у него начнется фаза Перегрузки. Синапсы перегорят, он начнет бросаться на людей на улице, а потом размажет свои мозги по стенам изолятора. Режьте.

Техник пожал плечами, ввел короткую команду и ударил по виртуальной клавише подтверждения.

В операционной человек выгнулся дугой. Магнитные фиксаторы жалобно закрипели. Из его горла вырвался последний, сдавленный хрип — звук рвущейся струны. А затем его тело резко обмякло, безвольно повиснув на ремнях. Синий свет в толстом кабеле вспыхнул особенно ярко, прогоняя последний импульс, и погас, сменившись ровным, успокаивающим зеленым свечением.

На пульте перед техником с тихим, почти музыкальным щелчком открылся цилиндрический шлюз.

Из стерильного недр машины медленно поднялся небольшой диск. Он был сделан из матового, черного стекла и формой напоминал старинную виниловую пластинку в миниатюре. В народе их называли «Грамофонами».

На этот физический, холодный носитель только что перекачали ровно сто сорок лет человеческой жизни. Пятьдесят процентов памяти пациента. Боль, заставлявшая его кричать по ночам. Радость от первых шагов сына. Вкус первого поцелуя. Запах дождя из детства, похороны, ошибки, триумфы, чувство вины и чувство абсолютного счастья — всё это теперь было спрессовано в триста граммов мертвого кремния.

Завтра утром бронированный инкассаторский шаттл заберет этот диск, чтобы навсегда похоронить его в недрах Правительственного Архива. А человек в кресле проснется легким, пустым и готовым прожить еще полтора века, не отягощенный грузом собственных потерь.

Техник стянул с головы диагностический обруч и вытер пот со лба.

— Процедура «Жатвы» завершена. Емкость мозга восстановлена до базовых значений. Пациент стабилен.

— Оформите документы, — бросил Хейз.

Детектив задержал взгляд на бронированном стекле смотровой. На фоне ярко освещенной операционной в нем четко проступало его собственное темное отражение.

Для человека, прожившего четыреста десять лет, Хейз выглядел на жесткие, изношенные сорок. Современная клеточная геронтология останавливала старение тела, но она не могла стереть тяжелый, невидимый отпечаток прожитых веков. Лицо детектива казалось грубо высеченным из серого камня: резкие, угловатые скулы, глубокие, залегшие тени вокруг упрямо сжатого рта и жесткая щетина. Под густыми, тронутыми пепельной сединой бровями смотрели холодные, водянисто-серые глаза — глаза хищника, в которых давно

выключили свет.

Высокую, широкоплечую фигуру обтягивал неизменный тяжелый плащ из серого твида с кевларовой подкладкой. Воротник всегда был поднят.

Хейз отвернулся от своего отражения и рефлексивно, почти бессознательно, потер мозолистым пальцем основание собственной шеи. Там, под плотным, стоячим воротником, скрывались два глубоких крестообразных шрама. Уродливые, зарубцевавшиеся отметины от старых нейро-портов.

Хейзу было четыреста десять лет. По меркам двадцать пятого века он считался человеком среднего возраста, но его разум прошел через мясорубку времени больше, чем многие. Он сидел в таком же хромированном кресле дважды. Дважды его мозг достигал предела емкости, начиная искрить фантомными воспоминаниями и угрожая погрузить его в пучину Перегруза.

И оба раза Хейз сам составлял списки того, что нужно выжечь. В отличие от пациента за стеклом, он не сопротивлялся экстрактору. Он отдавал память добровольно, с холодной расчетливостью хирурга, ампутирующего гангрену.

Он стер свои детские страхи. Стер ненужную эмпатию, которая мешала нажимать на курок. Стер боль от старых огнестрельных и плазменных ранений. Он стер женщину, чьею лица больше не мог вспомнить, даже если бы попытался, но

о которой ему сухим медицинским языком говорила его же личная медкарта.

Он выжег из себя всё, что делало его уязвимым, оставив только чистый, бритвенно-острый аналитический рассудок. Только так в этом проклятом, неоновом мире можно было оставаться хорошим полицейским и не закончить свои дни в смиренной рубашке.

За спиной детектива с тихим шипением разъехались бронированные двери смотровой.

В полутемную комнату ворвался Оливер Пейдж.

Напарнику было всего семьдесят пять. По меркам Кредо он был даже не юношей, а младенцем, только-только выпустившимся из Полицейской Академии. От Оливера пахло кислотным дождем, дешевым мылом из общежития и острой, почти осязаемой юношеской тревогой.

Его мозг еще не знал, что такое нехватка места. Нейронные цепи Оливера были чисты и гибки. Он помнил вкус приторных синтетических конфет из своего детства, помнил каждую разбитую коленку и каждое обидное слово, брошенное ему в лицо. Он был полон надежд, идеалов и того сентиментального мусора, который Хейз так презирал.

Детектив часто думал, что от этого мальчишки слишком много шума — и физического, и эмоционального.

— Детектив Хейз, — Оливер тяжело дышал, сжимая в руке светящийся голографический планшет. Вода стекала с его форменной куртки, оставляя на полу темные капли.

Его взгляд метнулся мимо наставника, за стекло операционной, к обмякшему в кресле пациенту. Стажер судорожно сглотнул, и его кадык дернулся. Он ненавидел клиники Жатвы. Для молодого поколения мысль о том, чтобы добровольно отдать кусок своей души машине, казалась варварством. Хейз знал, что Оливер до ужаса боится того дня, когда ему самому придется сесть в это кресло.

— У нас Код Зеро, сэр, — выдавил из себя Оливер, заставляя себя оторвать взгляд от операционной.

Хейз медленно повернулся. Он метко бросил смятый бумажный стаканчик в утилизатор. Устройство тихо чавкнуло, расщепляя мусор на атомы.

— Код Зеро не объявляли десять лет, Пейдж. С тех пор как закончились бунты в Третьем секторе. Что случилось? В Элизиуме кто-то поцарапал правительственный аэрокар, и мэр впал в истерику?

— Хуже, — Оливер подошел ближе, инстинктивно понизив голос, словно боясь, что техник за пультом может их услышать. — Убийство. Старый Город, Башня «Орион». Густые, седеющие брови Хейза сошлись на переносице.

Башня «Орион» не была просто жилым комплексом. Это был закрытый, автономный сектор для высшей элиты. Крепость из стекла, графена и паранойи. Там жили те, чей возраст давно перевалил за пять сотен лет. Архитекторы городских законов, владельцы мегакорпораций, теневые кардиналы. Люди с лучшими боевыми имплантами, персональными армиями и безлимитным доступом к Архиву. Проникнуть туда без приглашения было физически невозможно.

— Жертва? — сухо спросил Хейз, чувствуя, как внутри запускается холодный двигатель логики.

— Советник Корнелиус Рот, — Оливер провел влажным пальцем по экрану планшета, выводя в тусклый воздух смотровой объемную голограмму.

Над планшетом закрутилось изображение статного, седого мужчины с жестким, надменным лицом. Лицом человека, который привык, что мир прогибается под его шаги.

— Ему было шестьсот сорок лет, — добавил стажер. — Основатель «Рот-Интернешнл». Один из тех, кто лоббировал закон о всеобщей Жатве.

Хейз посмотрел на парящее в воздухе лицо убитого аристократа. Впервые за долгое время он почувствовал, как внутри шевельнулось давно забытое, холодное профессиональное любопытство. Кто-то сумел обойти систему, считав-

шуюся неуязвимой, чтобы достать человека, считавшегося бессмертным.

Детектив поправил воротник плаща, скрывая шрамы.

— По коням, малец, — бросил он, проходя мимо стажера и направляясь к выходу. — Посмотрим, как выглядит смерть, когда у нее есть неограниченный бюджет.

Дождь над Старым Городом не шел — он обрушивался сплошной, тяжелой стеной, смывая неоновую грязь в бездонные, ревущие ливневки.

Полицейский аэрокар Хейза, тяжелая бронированная машина черного цвета, пробил плотный слой ядовитого смога. Магнитные подушки издали низкий, вибрирующий гул, разгоняя потоки воды, когда кар завис у посадочной площадки сотого этажа Башни «Орион».

Архитектура башни подавляла. Она представляла собой монолитный шпиль из черного стекла, уходящий далеко за облака, туда, где светило настоящее, не затянутое пеплом солнце. Но здесь, на сотом этаже, царил мрак, разрываемый лишь вспышками полицейских мигалок.

Весь этаж был оцеплен. В воздухе, словно рой рассерженных светлячков, висели патрульные дроны, сканируя пространство красными лазерными лучами. Офицеры в тяжелой броне стояли у каждого входа, нервно сжимая плазменные

ВИНТОВКИ.

Хейз вышел из машины. Ветер ударил в лицо влажным холодом, но детектив лишь глубже надвинул шляпу и поднял воротник плаща. Оливер семенил следом, ежась и пытаясь укрыться от пронизывающего ветра.

Они прошли сквозь раздвижные стеклянные двери пентхауса, миновав тройной кордон биометрического контроля.

Пространство внутри было огромным. Двухуровневые потолки, отделка из настоящего, натурального дерева — роскошь, недоступная девяноста девяти процентам населения планеты. В воздухе всё еще витал тонкий аромат дорогого парфюма с нотами сандала и выдержанного синтетического вина. Но всю эту рафинированную эстетику безжалостно перекрывал другой запах.

Густой, тяжелый, железистый запах свежей крови и палевого мяса. Комната за тридцать миллионов кредитов пахла как дешевая скотобойня в Слепых Углах.

Хейз остановился в центре роскошной гостиной. Панорамные окна от пола до потолка открывали головокружительный вид на пылающий огнями мегаполис внизу, но всё внимание детектива было приковано к антикварному дубовому столу, стоявшему посередине комнаты.

Советник Корнелиус Рот лежал на нем. Вернее, то, что от него осталось после визита незваного гостя.

Тело шестисотлетнего старика было распято на столе. До-

рогая шелковая рубашка пропиталась кровью. Грудная клетка жертвы была вскрыта — ребра разведены в стороны с помощью хирургических расширителей. Внутри искрились и тихо гудели дорогие, изготовленные на заказ кибернетические органы, тщетно пытающиеся поддерживать жизнь в мертвом теле. Искусственная, насыщенная кислородом белая кровезаменитель смешалась с настоящей, багровой жидкостью, медленно стекая по резным ножкам дубового стола на белоснежный ковер.

Оливер остановился у порога. Стажер зажал рот рукой, его глаза расширились. Лицо парня стремительно позеленело. Он резко отвернулся к стене, уперся в нее свободной рукой, и его плечи ходуном заходили от рвотных позывов.

— Детектив Хейз... — выдавил стажер, вытирая холодную испарину со лба промокшим рукавом плаща. Он зажмурился, стараясь не смотреть на искрящуюся грудную клетку советника. — Здесь же вакуумные био-сенсоры. Система контроля давления. Тепловизоры. Система засекала бы даже изменение частоты пульса в комнате, не говоря уже о чужаке! А его... его вскрыли, как консервную банку. И ни одного сбоя в охранной сети. Тревога не сработала.

Оливер открыл глаза и посмотрел на Хейза с нескрываемым ужасом.

— Это не взлом, детектив. Его кто-то впустил.

Хейз не ответил. Он подошел ближе к столу, привычным

ментальным усилием отключая любые остаточные эмоции и анализируя картину преступления.

Крови было много, но брызг на стенах и мебели не наблюдалось. Убийца не рубил с плеча в порыве ярости. Разрез грудины был сделан не современным лазерным резаком, который прижигает края раны. Края были ровными, плоть раздвинута чисто, ни единого лишнего движения, ни одной зазубрины на кости.

«Старый хирургический скальпель, — отметил про себя Хейз. — Высокоуглеродистая сталь. Требуется физической силы и безупречного знания анатомии».

Убийца не паниковал. Он действовал методично, с холодной, пугающей расчетливостью профессионала, у которого было в запасе столько времени, сколько нужно.

— Камеры? — коротко бросил Хейз дежурному лейтенанту, стоявшему в оцеплении у панорамного окна.

Лейтенант нервно сглотнул, избегая смотреть на стол.

— Зациклены, детектив. Идеальная, бесшовная петля. Наш кибер-отдел бьется уже полчаса, но они даже не могут найти точку входа. Техники говорят, что код взлома написан на архитектуре двухвековой давности. Сейчас так никто не работает. Для современных брандмауэров это архаика. Система просто не распознала этот язык как угрозу. Она про-

пустила его, как устаревшую системную ошибку.

Хейз молча достал из кармана нейро-перчатки и натянул их на руки. Тонкая, полупрозрачная ткань на кончиках пальцев засветилась мягким желтым светом, активируя локальные сканеры.

Детектив склонился над телом. Его взгляд скользил по искрящимся трубкам искусственных легких, по хромированным клапанам, пока не зацепился за то, что находилось в самом центре зияющей раны.

Прямо на остановившемся, сделанном из полимера и титана искусственном сердце Рота лежало что-то маленькое и абсолютно черное.

Хейз протянул руку. Его пульс оставался ровным. Двумя пальцами он аккуратно извлек предмет из лужи смешанной крови.

Это был «Граммофон». Диск памяти.

Точно такой же, какой Хейз видел час назад в клинике Жатвы. Но этот носитель не был стандартным, гладким и стерильным. Он был старым. Края диска потерлись от времени, матовое стекло помутнело и было покрыто тончайшей сетью микротрещин, словно его десятилетиями носили в кармане. Такие носители сняли с производства больше ста лет назад.

— Что это, детектив? — Оливер наконец справился с тошнотой, выпрямился и подошел ближе, стараясь дышать через

рот. Он уставился на окровавленный диск.

— Улика, — тихо ответил Хейз.

Он поднес старый диск к свету неона, льющемуся из панорамного окна. На черной, тусклой поверхности, прямо по центру, кто-то грубо, от руки, выцарапал символ.

Песочные часы, перечеркнутые резкой кривой линией.

Оливер побледнел. Его глаза расширились, и он инстинктивно оглянулся на пустой коридор пентхауса, словно ожидая, что из теней прямо сейчас выйдут призраки.

— Стертые? — голос стажера сорвался на сухой шепот. — Детектив, этого не может быть. Синдикат Стертых — это миф. Городская легенда для первого курса Академии, чтобы салаги не совались в Слепые Углы. Те, кто отказался от Жатвы... они же просто нищие безумцы. Они прячутся в канализации и сгорают от Перегруза в своих подвалах. У них мозги плавятся от избытка памяти. Они не умеют обходить архитектуру «Ориона» и писать архаичные коды!

— Значит, легенда научилась программировать, — сухо констатировал Хейз, не отрывая взгляда от диска.

Он молча смотрел на царапину. Углы символа были вырезаны с идеальным нажимом. Безупречно прямые линии. Точная, твердая, поставленная рука человека, который полностью контролирует себя. Кто бы ни стоял за этим убийством, он не был обезумевшим радикалом из трущоб, стра-

дающим от тремора и деменции. Он был безликим призраком с глубоким пониманием охранных систем и доступом к технологиям, о которых современный город давно забыл.

Хейз опустил диск в стерильный пластиковый пакет для улик и герметично закрыл его.

Его аналитический мозг, свободный от эмоций, уже формулировал главный, самый страшный вопрос этой ночи: *чья это память?*

Для чего убийца вскрыл грудную клетку человека, обладающего половиной мира, чтобы положить туда кусок старого стекла? Были ли это грязные секреты самого Рота, которые маньяк вытащил из недр Архива? Исповедь самого убийцы? Или это воспоминания кого-то третьего, давно мертвого и забытого, за кого сегодня ночью пришли мстить?

— Оцепите здание, — скомандовал Хейз, поворачиваясь к лейтенанту. — Мне нужен полный биометрический скан каждого кубического метра. Поднимите логи всех, кто входил в башню за последние сорок восемь часов. Даже если это курьеры с синтетической пиццей или дроны-уборщики. Я хочу знать о каждом сбое в сети, даже о скачках напряжения.

Хейз развернулся и зашагал к выходу. Плотные полы его плаща взметнулись.

Его мозг — холодный, логичный био-компьютер — уже

просчитывал сотни вариантов, отбрасывая невозможные. Ему предстояло найти человека, который мыслит так же расчетливо, методично и безжалостно, как он сам.

И впервые за долгие десятилетия рутинной работы детектив Декстер Хейз почувствовал, как по позвоночнику пробежал легкий, почти забытый холодок азарта. Предстоящая охота обещала быть по-настоящему сложной.

ГЛАВА 2: ФАНТОМНЫЙ ЗУД

Спуск на подвальный этаж Департамента Полиции занимал ровно сорок секунд, но каждому, кто ехал в этом грузовом лифте, казалось, что он опускается на дно океана. С каждым метром вниз температура падала, а звуки живого мегаполиса — вой сирен, гул магнитных трасс и монотонный голос рекламных дирижаблей — вязли в толще армированного бетона.

Этот уровень называли «Кладбищем».

Здесь не было окон, а ядовитый неон улиц уступал место тусклым, болезненно-желтым люминесцентным лампам, которые непрерывно и монотонно жужжали, словно рой механических мух. В воздухе висел тяжелый, спертый коктейль запахов: машинное масло, озоновая гарь от сгоревших микросхем, вековая пыль и едкий антисептик. На «Кладбище» хранились улики, которые современная система уже не могла распознать, и технологии, которые город Кредо давно пережевал, выплюнул и забыл.

Створки лифта с лязгом разъехались. Декстер Хейз шагнул в полумрак, его тяжелые ботинки гулко ударили по решетчатому настилу. Оливер Пейдж вышел следом, инстинктивно кутаясь в промокшую форменную куртку. Стажеру здесь явно было не по себе. Молодое поколение копов при-

выкло к стерильным серверам и облачным базам данных. Физическое хранилище пугало их своей материальностью.

Лаборатория кибер-отдела представляла собой хаотичное нагромождение стеллажей, заваленных мертвым железом. Посреди этого хаоса возился Мэддок — главный архивариус и бессменный страж «Кладбища».

— Современный сканер его просто сожжет, детектив, — проворчал старик, не оборачиваясь.

Мэддок был сутулым, иссушенным временем человеком, чье тело на треть состояло из устаревших имплантов. Самой пугающей деталью его внешности был кибернетический протез — громоздкая система выдвижных линз, диафрагм и красных лазерных целеуказателей, навсегда вживленная в череп и заменявшая ему правый глаз. Механизм постоянно тихо щелкал, фокусируясь на объектах.

Архивариус стоял у металлического стола. Он осторожно, пинцетом с мягкими силиконовыми наконечниками, достал из стерильного пакета для улик черный «Граммофон» с выцарапанными на нем песочными часами.

— Посмотрите на эти микротрещины, — Мэддок протер матовое стекло специальной тканью, сдувая невидимые пылинки. — Архитектура диска абсолютно нестабильна. Ему больше двух веков, Хейз. Кремниевая основа начала деградировать. Если мы попытаемся подключить его напрямую к вашим современным нейро-портам, разница в скорости потока данных будет колоссальной. Устройство попытается

вливать в ваш мозг терабайт информации за миллисекунду. Это вызовет у вас обширный микроинсульт, а диск просто расплавится.

— Предлагаете читать его по губам? — сухо поинтересовался Хейз, подходя ближе.

— Предлагаю использовать внешнюю проекцию, — Мэддок криво усмехнулся, его механический глаз издал серию быстрых щелчков. — Старый добрый аналог. То, как смотрели чужую память до того, как придумали закачивать ее прямо в кору головного мозга.

Архивариус подошел к массивному, похожему на железный саркофаг аппарату, занимавшему половину комнаты. От него тянулись толстые, покрытые пылью кабели. Это был голографический интерферометр прошлого поколения — динозавр из эпохи ранних нейро-экспериментов. Мэддок нажал несколько тугих кнопок, поместил диск в центральный считыватель и с тяжелым металлическим лязгом опустил защитный свинцовый кожух.

Аппарат натужно загудел, словно просыпающийся зверь. Внутри защелкали оптические реле. Запахло нагретой пылью и старой медью.

Хейз отошел к стене и прислонился к ней, скрестив руки на груди. Его лицо оставалось непроницаемым. Оливер переминался с ноги на ногу рядом с ним, то и дело поглядывая на пульсирующие индикаторы доисторической машины.

Стажер заметно нервничал, сжимая кулаки так, что белели костяшки.

— Что мы ожидаем там увидеть, детектив? — тихо, почти шепотом спросил Оливер, глядя на раскручивающийся внутри саркофага диск. — Запись убийства? Момент, когда он вскрывал грудь советнику Роту? Или, может, это манифест Синдиката Стертых? Призыв к восстанию?

— Убийца вскрыл грудную клетку одного из самых охраняемых людей в Старом Городе, рискуя быть пойманным в любую секунду, только ради того, чтобы оставить эту вещь на его мертвом сердце, — ровно и сухо ответил Хейз, не сводя глаз с интерферометра. — Он не оставит там банальных угроз или политических лозунгов. Этот человек мыслит сложнее. Он оставил нам послание. Смотри внимательно, Пейдж. Не на то, что лежит на поверхности. Любая деталь на заднем фоне — это улика.

В центре комнаты зажужжали четыре лазерных проектора. В воздухе замерцал объемный голографический куб, сотканный из синих векторных линий.

Мэддок ударил по рубильнику на стене, и желтый свет люминесцентных ламп в подвале погас.

Машина глухо щелкнула, расшифровывая архаичный код, переводя мертвую память в визуальный ряд.

А затем тьму полицейского подвала разорвала вспышка.

Это был не холодный, хирургический свет современных операционных. И не ядовитый, пульсирующий неон ночных улиц Кредо, к которому они так привыкли. Это был теплый, густой, почти осязаемый свет настоящего, не закрытого смогом солнца.

Голограмма мгновенно развернулась на все триста шестьдесят градусов, поглотив стены подвала. Хейз и Оливер оказались внутри чужого воспоминания. Запись велась от первого лица — стандартный формат прямого нейронного слепка, где хрусталики глаз неизвестного пациента служили объективами, а его эмоции диктовали фокус. Периферия зрения была слегка размытой, так как человеческий мозг не запоминает детали, на которые не смотрит прямо.

Они стояли посреди светлой, просторной комнаты.

Панорамные окна были открыты настежь. Сквозь них виднелся город — но не тот задыхающийся в пепле, мрачный мегаполис, который они знали сейчас. Это был город с чистым, пронзительно-голубым небом, по которому плыли редкие белые облака.

На подоконнике стоял горшок с живым, зеленым папоротником. На деревянном столе дымилась чашка. Аудиодорожку система восстановить не смогла — звук распался от времени, — поэтому всё происходило в абсолютной, звенящей тишине. Но Хейзу казалось, что он физически слышит лег-

кое, ритмичное шипение старой кофеварки.

А затем в поле зрения появилась она.

Женщина лет тридцати. На ней было легкое белое домашнее платье, спадающее до колен. Темные волосы были небрежно растрепаны и собраны на затылке. На ее правой щеке белел нелепый мазок муки или светлой пыли.

Она смеялась.

Она не позировала, не пыталась казаться идеальной. В ней не было той пугающей, выверенной симметрии и безупречности, к которой стремились современные фарфоровые идо­лы и элита Кредо. Ее красота была неправильной, земной и оттого ошеломляюще живой. Это был абсолютно искренний, заразительный смех человека, который чувствует себя в полной, абсолютной безопасности.

Женщина подошла ближе к «камере» — к тому неизвестному человеку, чьими глазами двести лет назад было записано это воспоминание. Она протянула руки и, судя по легкому движению проекции вверх, обняла его за шею. Ее губы зашевелились. Звука не было, но по мягкой артикуляции было понятно, что она говорит что-то ласковое. Что-то бесконечно теплое и интимное. То, что предназначалось только одному человеку во всей вселенной.

Оливер замер на месте, слегка приоткрыв рот.

Стажер, выросший в мире синтетических эмоций и посто-

янного страха перед Перегрузом, никогда не видел ничего подобного.

— Это... это не манифест, — прошептал Пейдж. Голос парня дрогнул, он был полностью сбит с толку. — Почему маньяк вырезал сердце старика ради этого? Это же не угроза. Это просто чье-то счастливое воспоминание. Кто она? И зачем нам на нее смотреть?

Хейз молчал.

Его взгляд скользил по лицу смеющейся женщины. Лицо как лицо. Красивое, не более того. Его мозг, прошедший через две жестокие процедуры Жатвы, работал как швейцарские часы. Детектив методично прогонял ее черты через базу данных своей оставшейся памяти, но не находил никаких совпадений. Эмоциональные рецепторы Хейза молчали. Внутри него была лишь привычная, надежная пустота профессионала.

И все же...

Основание шеи Хейза внезапно обожгло.

Два глубоких крестообразных шрама от нейро-портов, скрытые под высоким воротником плаща, зачесались с такой невыносимой, ослепляющей силой, словно под кожу медленно загоняли раскаленные ржавые иглы. Боль была не внешней, она шла изнутри, от самого спинного мозга.

Это была знакомая фантомная боль — системная реакция иммунной защиты мозга на поврежденные нейронные свя-

зи. «Возрастное отторжение имплантов», — как монотонно говорил ему корпоративный врач на последнем медосмотре. Мозг четырехсотлетнего человека периодически пытался замкнуть цепи, которые были принудительно разорваны хирургическим путем.

Хейз глухо скрипнул зубами, стискивая челюсти до боли. Он заставил себя глубоко вдохнуть, подавляя физиологический спазм. Он — Аудитор. Следователь экстра-класса. Он искал сухие факты, а не сентиментальный мусор, который подкидывал ему стареющий организм.

Усилием воли детектив оторвал взгляд от мягких губ и смеющихся глаз женщины.

Его холодные, серые глаза, превратившиеся в камеры слежения, начали сканировать задний фон голограммы. Он искал аномалии. Деревянный стол. Угол падения теней. Недопитая чашка. Стул с наброшенной на спинку кофтой. Открытое окно и архитектура зданий за ним.

И наконец — стопка разбросанных бумажных документов, лежащая на самом краю стола, позади женщины, прямо в зоне периферийного расфокуса.

— Мэддок, — резко бросил Хейз. Его низкий, лишенный эмоций голос разрезал благоговейную тишину подвала, разрушая магию воспоминания. — Останови воспроизведение.

Голограмма дернулась и замерла. Женщина застыла с по-

луулыбкой на губах, превратившись в красивую, но мертвую трехмерную статую.

— Увеличь квадрат 4-Бис, — скомандовал Хейз, указывая пальцем в перчатке на виртуальный стол. — Правый нижний угол. Максимальная резкость, какую сможешь вытянуть.

Архивариус хмыкнул и покрутил рифленое кольцо на своем глазном протезе, синхронизируя его с интерферометром.

Изображение в центре комнаты дернулось. Фигура женщины расплылась, уходя за границы кадра, а часть стола стремительно приблизилась. Пиксели растянулись, превращаясь в мутные квадраты, но Мэддок запустил алгоритм сглаживания.

На верхнем документе в стопке четко проступил черный логотип.

Стилизованный, агрессивный силуэт золотого сокола, сжимающего в когтях микрочип. И подпись под ним: *«Корпорация Рот-Интернешнл. Отдел контроля и стандартизации памяти».*

А в самом низу документа, в правом углу, стоял казенный штамп с датой: 12 октября 2244 года.

Ровно двести лет назад.

Хейз прищурился, вглядываясь в цифры. Боль в шее на-

чала медленно отступать, сменяясь холодной, кристальной ясностью расследования. Пазл начал складываться.

— Рот-Интернешнл, — по слогам прочитал Оливер, подходя вплотную к увеличенной голограмме. Стажер переводил ошарашенный взгляд с логотипа на Хейза. — Это же старая корпорация Корнелиуса Рота. Убитого Советника. Но дата... Двести лет назад? Как это возможно?

— Именно, Пейдж, — Хейз отвернулся от голограммы, и Мэддок, поняв жест детектива, щелкнул рубильником. Проекция исчезла. Комната снова с облегчением погрузилась в серый, сырой полумрак подвала. — Убийца, вскрывший грудную клетку Советника — не сумасшедший радикал из Синдиката. И он не случайный уличный маньяк, которому нужны деньги.

— Тогда кто он? — Оливер нервно сглотнул.

Хейз подошел к аппарату. Кожух поднялся. Детектив достал черный стеклянный диск и аккуратно опустил его обратно в герметичный пакет для улики.

— Тот, у кого двести лет назад отняли это счастье, — ровным, ледяным тоном произнес Хейз. — Советник Рот стоял у самых истоков системы контроля памяти и процедуры Жатвы. Кто-то затаил на него обиду. Обиду, которая не стерлась за два века. Убийца мог бы просто прислать в Департамент файл с угрозами или манифестом. Но вместо этого он заставил нас смотреть на эту смеющуюся женщину. Он показывает нам свой мотив.

Хейз развернулся и направился к железной лестнице, ведущей на основные этажи Департамента.. Оливер поспешил за ним, стараясь не отставать.

— Но детектив, — голос стажера эхом отскакивал от бетонных стен лестничного пролета. — Если этому человеку больше двухсот лет, почему он начал убивать только сейчас? Почему он ждал два века? И главное — как его мозг выдержал такой срок без Жатвы? Он должен был давно сойти с ума от Перегруза! Никто не может нести в себе столько воспоминаний и сохранить рассудок, чтобы спланировать идеальное убийство!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.